

Сергей Кормилов

«Мы забыли, что такие люди бывают»

Ахматова и Солженицын

В воспоминаниях Наталии Роскиной об Ахматовой есть одна существенная ошибка: «Когда вышел номер «Нового мира» с «Одним днём Ивана Денисовича» и Солженицын стал необыкновенно популярен, он захотел побывать у Ахматовой <...>». На самом деле их заочное и очное знакомство произошло до выхода «Одного дня...», до всеобщей популярности его автора и отразилось на ахматовской творческой биографии.

В первой половине сентября 1962 года у Анны Андреевны кончился комаровский дачный сезон. В записной книжке появились два помеченные латинскими цифрами I и II стихотворения, связанные не только размером, но и содержанием. Одно, четырехстрочное, — «[Что] Как? — тебе еще мало по-русски / [Что] II — ты хочешь на всех языках? / Знать, как круты подъемы и спуски / И почему у нас совесть и страх? (ЗК, с. 257) — при жизни Ахматовой не публиковалось; с изменениями («А, тебе еще мало по-русски...», без вопросительных знаков) оно было включено в цикл, или, вернее, подборку «Вереница четверостиший». В нем просвечивает тема поэта, оставшегося в своей стране и перенесшего с ней великие страдания, и восприятия всего этого со стороны, из-за границы, где не имели даже приблизительного представления о том, что творилось в СССР при Сталине и что преодолевалось непоследовательно («подъемы и спуски»).

Второе, восьмистрочное стихотворение лишь внешне не столь крамольно. Оно более автобиографично:

*Вот она, плодоносная осень, —
Поздновато ее привели,
А пятнадцать божественных весен
Я подняться не смела с земли.
Я так близко ее [рассмотрела] разглядела,
К ней приникла, ее обняла,
И она в обреченное тело
Силу тайную тайно лила.*

(ЗК, с. 257-258)

Речь идет, разумеется, не об урожае колхозных полей. «Плодоносная осень» не сама пришла в силу смежных сезонов, ее «привели». Истек неполный год после XXII съезда КПСС с его открытиями и более резким, чем на XX съезде, разоблачением культа личности. Ахматова ощущает моральный подъем после особенно тягостных для нее лет: пятнадцать весен отделяло наступившее время от погромного августовского постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946). Мотив подмены весны исключительной осенью повторяется у Ахматовой спустя ровно сорок лет после стихотворения «Небывалая осень построила купол высокий...» (размер другой, но метр один: тогда был пятистопный анапест, теперь трехстопный, при небольшом количестве написанного Ахматовой связь ощутима). Там светлые ожидания лирической героини порождал приход некоего «спокойного» человека, друга, здесь — изменение «климата», отнюдь не природного. Это понятно. Но откуда двойной эпитет «тайную», «тайно»? «Оттепель» была публичной. Нет ли тут намек на некую душевную силу, пока еще открыто о себе не заявившую?

Под текстом стихотворения в записной книжке помечено:

«Завтра уезжаю.

12 сент<ября> 1962. Конец Комарова (ЗК, с.258).

Около 12 сентября Ахматова в принципе уже могла познакомиться с машинописью рассказа Солженицына и уж во всяком случае слышать о ней, ходившей по рукам, если не от ленинградских, то от многочисленных московских друзей. После дачного сезона она поехала в Москву. В записи Л.К. Чуковской от 19 сентября рассказывается о разговоре с Ахматовой, начавшемся в 12 часов — видимо, этого же дня, хотя по тексту можно предположить, что и одного из предыдущих (ЛЧ, т.2, с.508). К тому времени Анна Андреевна прочитала «Один день з/к» (так называлась машинопись) и сказала Чуковской: «Эту повесть о-бя-зан прочитать и выучить наизусть — каждый гражданин из всех двухсот миллионов граждан Советского Союза» (ЛЧ, т.2, с.512).

Ожидание решения вопроса о публикации Солженицына вне сомнения способствовало если не созданию стихотворения «Вот она, плодоносная осень...», то появлению у Ахматовой мысли предложить его для напечатания массовым тиражом — в газету. Первоначально намечалась «Литературная газета» (ЗК, с.249), а появилось стихотворение вместе с двумя другими (из цикла «Шиповник цветет»: «В разбитом зеркале» и «Говорит Дидона»), также отчетливо автобиографическими, 26 октября, как ни странно, в официальной газете «Литература и жизнь», заслужившей прозвище «Литература и смерть»: контекст, на первый взгляд сугубо личного содержания, притупил бдительность тупых редакторов, не понявших весьма прозрачных аллегорий плодоносной осени и пятнадцати весен. Ахматовой только пришлось наряду с незначительными изменениями в тексте сделать одно значительное — пожертвовать эпитетом «божественных» и написать «блаженнейших» (АА, т.1, с.292), что противоречит смыслу произведения, реальным фактам (для Ахматовой «божественные» весны от-

нюдь не были блаженными) и никак не может считаться «авторской волей» (это стоит учесть публикаторам).

«Силу тайную тайно лила» в ахматовскую героиню земля, которую автор в свое время не «бросил <...> на растерзание врагам». За это к Ахматовой особое уважение испытывал Солженицын: «Да начиная с 17-го года всё отдаём, все отдают. — так оно вроде легче. Уже сколько поддались этой ошибке — переоценили силы их, недооценили свои. А были же люди — Ахматова, Пальчинский, кто не поехал, кто отказался в 1923 году подписать заявление на легкий выезд»². Александру Исаевичу еще предстояло продемонстрировать верность своей земле, отвергая не раз предоставлявшуюся возможность «легкого выезда».

Произведения Ахматовой он знал хорошо, и тоже не только опубликованные. После первой встречи с ним, состоявшейся благодаря Л.З.Копелеву 28 октября 1962 года в Москве у Марии Петровых, Анна Андреевна рассказывала:

« — Я прочитала ему... Он сказал: «Я так и думал, что вы не молчите, а пишете что-то, чего нельзя печатать». «Поэму» («Поэма без героя» не была тогда опубликована. — С.К.) знает наизусть. О ней говорит так: «Сначала все непонятное-непонятное, а потом понятное-понятное». Обо мне сказал мне слова, которые я слышать не могу. Нет, не о Пушкине. Да, о России. *И он тоже!*... Вы понимаете, конечно, что это значит: услышать *их от него*...» (ЛЧ, т.2, с.532-533). А.Г.Найману Ахматова передала эти смущавшие ее и такие дорогие ей слова. «Прочитала "сиделок тридцать седьмого"»³. Он сказал: «Это не вы говорите, это Россия говорит». Я ответила: «В ваших словах соблазн». Он возразил: «Ну что вы! В вашем возрасте...» Он не знает христианского понятия» (АН, с.136). Из-за «соблазна» Ахматова и «не могла слышать» эти слова.

Н.А.Роскина справедливо оценила отношение Анны Андреевны к А.И.Солженицыну: «О свидании с ним она рассказывала в необычных для нее тонах. Ведь она привыкла к тому, что к ней приходят на поклон, а тут пришел человек, которому она сама готова была и хотела поклониться» (В, с.538). В последний период жизни Ахматова вела себя в отношении властей, как правило, осторожно, внешне даже демонстрировала свою лояльность⁴. В собственноручной записи о визите Солженицына слова в скобках — обозначение места встречи и настоящая фамилия писателя — не псевдоним, под которым «Ш-854 (Один день одного зэка)» был предложен в редакцию «Нового мира», — поставлены позднее, видимо, когда пришло осознание того, что конспирация не нужна: «Вчера (28-го) у меня (у Маруси в Москве) был Рязанский (Солженицын). Впечатление ясности, простоты, большого человеческого достоинства. С ним легко с первой минуты» (ЗК, с.253).

С точки зрения собственно литературных достоинств Ахматова поставила «Ш-854» гораздо выше знаменитой повести кумира тогдашней молодежи:

« — В «Старике и море» Хемингуэя подробности меня раздражают. Нога затекла, одна акула сдохла, вдел крюк, не вдел крюк и т.д. И все ни к чему. А тут каждая подробность нужна и дорога...» (ЛЧ, т.2, с.512).

Но больше волновало Анну Андреевну общественное значение предстоящей публикации. Впервые правда о сталинских лагерях, пусть еще не о самом страшном, могла быть явлена всему миру. По свидетельству Л.К.Чуковской, А.Г.Наймана, Вяч.Вс.Иванова, Н.А.Роскиной, Н.Готхарта (ЛЧ, т.2, с.533, 535; АН, с.136; В, с.483, 538; НГ, с.266), Ахматова предсказала Солженицыну мгновенную всемирную славу и опасалась, выдержит ли он ее. Мотив испытания славой — один из важных в ахматовской поэзии: «<...> от счастья и славы / Безнадёжно дряхлеют сердца» («Вижу выцветший флаг над таможенной...», 1913), «<...> притащится слава / Погремушкой над ухом трещать» («Кое-как удалось различиться...», 1921); в 60-е годы сделан набросок: «Молились на ночь, чтобы вам / Вдруг не проснуться знаменитым»⁵, — возможно в прямой связи с этим разговором. «Славы не боится, — записала Ахматова. — Наверное, не знает, какая она страшная и что влечет за собой» (ЗК, с.253). «Пастернак не выдержал славы, — говорила она Солженицыну. — Выдержать славу очень трудно, в особенности позднюю». Александр Исаевич в ответ говорил о своих крепких нервах, о том, что он выдержал лагерь (ЛЧ, т.2, с.533); по другому свидетельству, возможно, менее достоверному, так как более позднему, сказал: «Я человек железный» (НГ, с.266). Вместе с тем Ахматова записала и потом передала Г.В.Глекину⁶ его слова: «Я только боялся сойти с ума в тюрьме» (ЗК, с.253). Мотив безумия — также важнейший в ахматовской поэзии, в частности в «Реквиеме», отсюда и внимание к нему в разговоре.

Появление в печати «Одного дня Ивана Денисовича» Анна Андреевна считала событием эпохальным, 16 ноября 1962 года, в день выхода 11-го номера «Нового мира» (о чем она еще не знала), говорила Л.Чуковской, что не уедет в Ленинград, пока не подержит его в руках: «Хочу убедиться, что новая эпоха настала» (ЛЧ, т.2, с.551). А позже, в марте 1964-го: «Счастлива, что дождала до Солженицына» (ЛЧ, т.3, с.187). Не только до его произведений — до появления такой личности. Восторженные оценки Солженицына-человека Чуковская фиксирует не раз: « — Све-то-носец! — сказала она торжественно и по складам. — Свежий, подтянутый, молодой, счастливый. Мы и забыли, что такие люди бывают. Глаза, как драгоценные камни. Строгий, слышит, что говорит.

(«Слышит себя», «слышит, что говорит» — это высокая похвала в ее устах). <...> О. Лидия Корнеевна, видели бы вы этого человека! Он непредставим. Его надо увидеть самого, в придачу к «Одному дню з/к». «<...> это человек поразительный, не только писатель». «Анна Андреевна снова о Солженицыне:

— Никогда не видывала подобного человека. Огромный человек» (ЛЧ, т.2, с.532-533, 551; т.3, с.27). «С яростью — иначе назвать не могу: именно с яростью — говорила об Ардове, который о Солженицыне отозвался презрительно» (ЛЧ, т.2, с.565), хотя в квартире писателя-юмориста (а потому, наверно, скептика) В.Е.Ардова и его жены Н.А.Ольшевской на Ордынке Ахматова жила чаще и дольше, чем у каких-либо других своих друзей. Жизнестойкость Солженицына воплощалась для Анны Андреевны в сохраненной молодости: «Ему 44 года <...>».

В Переделкине. 1967

Выглядит на 35. Лицо чистое, ясное. Спокоен, безо всякой суеты и московской деловитости. С огромным достоинством и ясностью духа» (АН, с.136). Отмечалась и интеллигентность Солженицына: «Александр Исаевич глубоко интеллигентный человек», и он «великолепно знает музыку» (НГ, с.266).

При этом Ахматова несколько не была настроена ему льстить. Возможно, она отвратила его от увлечения поэтическим творчеством. « — Он принес мне поэму. Она автобиографична. И спросил, стоит ли за нее бороться. Я сказала, что одного моего мнения недостаточно, пусть даст еще кому-нибудь. Он сказал, что ему достаточно моего мнения. Я сказала, что бороться за эту поэму не стоит» (НГ, с.266). Об этом писала в феврале 1963 года и Л.К.Чуковская, которой Ахматова передала слова автора поэмы: она «помогла мне все перенести, выжить, остаться живым». На свой вопрос о том, хороша ли поэма («не в смысле печатания»), ответ она «получила уклончивый. Не понравилась ей, что ли? — размышляла Лидия Корнеевна. — И она не хочет признаться из уважения к автору? Нет, на нее не похоже. Ведь бранила же она мне рассказ Солженицына «Случай на станции Кречетовка» (и, между прочим, совершенно зря)» (ЛЧ, т.3, с.28). Солженицын читал Ахматовой две из одиннадцати глав поэмы «Дороженька», которая осталась неопубликованной (ЛЧ, т.3, с.341). При первой встрече он также

читал ей свои стихи. На настойчивый вопрос Чуковской ответ был более определенным — негативным:

« — Уязвимы во многих отношениях, — уклонилась Анна Андреевна» (ЛЧ, т.2, с.533). Уклончивость ответа на вопрос о стихах Солженицына отметила и Н.А.Роскина. «Из стихов видно, что он любит природу», — сказала ей Ахматова (В, с.538).

Прямолинейный Солженицын в долгу не остался. О прочитанном ему «Реквиеме» он заявил: «Это была трагедия народа, а у вас — только трагедия матери и сына». Роскина пишет: «Она повторила мне эти слова со знакомым пожатием плеч и легкой гримасой» (там же). «Про мои стихи сказал не должное», — появилось в записной книжке (ЗК, с.253). Чуковская тоже писала, что «А.И.Солженицын, выслушав «Реквием», сказал Анне Андреевне: «Жаль, что в ваших стихах речь идет всего лишь об одной судьбе». А.А. сама рассказала мне об этих словах Александра Исаевича, дивясь им и не соглашаясь с ними. «Разве одною судьбою нельзя передать судьбу миллионов?» — говорила она. — «Разве «Эпилог» к «Реквиему» это уже не судьба миллионов» — говорила я. — «Да ведь и сам Солженицын «Одним днем з/к», «одною судьбой» изобразил многолетние судьбы миллионов». <...> Не согласившись сначала с Солженицыным, Ахматова впоследствии, по-видимому, все-таки приняла его слова во внимание: стихи, содержащие во втором четверостишии слова:

*И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки —*

включены были Анной Андреевной в «Реквием», я полагаю, как результат замечания, сделанного Солженицыным» (ЛЧ, т.2, с.562). То, что стало вступлением к «Реквиему» («Это было, когда улыбался...», 1940), ранее существовало в качестве самостоятельного стихотворения. Его включение в поэму-цикл вопреки отрицательному мнению Чуковской (ЛЧ, т.2, с.561), думается, было художественно оправданным и усилило народную тему «Реквиема», который был прочитан Солженицыну и без автоэпиграфа «Нет, и не под чуждым небосводом, / И не под защитой чуждых крыл, — / Я была тогда с моим народом, / Там, где мой народ, к несчастью, был» из стихотворения «Так не зря мы вместе бедовали...» (1961). Полностью «Реквием», до того хранившийся в памяти автора и его друзей, был зафиксирован в нескольких машинописных экземплярах только 8 декабря 1962 года (В, с.643; ЛЧ, т.2, с.560-561)⁷, после публикации лагерного рассказа Солженицына и явно не без влияния этого события. Появление эпиграфа Чуковская отметила как новость для нее, а в позднейшем сообщила, что посоветовал Ахматовой использовать эти строки для эпиграфа Л.З.Копелев (ЛЧ, т.2, с.561), благодаря которому та и познакомилась с Солженицыным. Так что Солженицын сыграл видную роль в творческой истории ахматовского «Реквиема». Исходил он, вследствие незнания многих текстов, все же из ограниченного представления об Ахматовой. В феврале 1963 года она говорила: « — А знаете, Александр Исаевич удивился, когда я сказала, что люблю Некрасова. Видимо, он представлял себе меня этакой чопорной дамой. <...> А Некрасова не любить

разве можно? Он так писал о пахаре, что нельзя было не рыдать» (ЛЧ, т.3, с.29). Но ошибка прозаика помогла поэту усилить одно из важнейших своих произведений.

Кстати, «дамой» Солженицын Ахматову действительно считал, только в более высоком смысле. Н.Д.Солженицына, жена писателя, сообщает: «Высота сводов, которые она (Ахматова. — С.К.) выстроила, и чистота воздуха внутри этих сводов всегда очень влекли А<лександра> И<саевича>. Он относился к ней как к высокой-высокой Даме русской поэзии. Даме с большой буквы»⁸.

В сентябре Ахматова ставила в один ряд три произведения о репрессиях — свой «Реквием», повесть Л.Чуковской «Софья Петровна» и «Один день з/к» (ЛЧ, т.2, с.536). Позже, уверовав в возможность опубликования «Реквиема» на родине, она стала принимать его разоблачительный пафос по сравнению с «Иваном Денисовичем» и даже стихами Б.Слуцкого на эту тему. Ее неправоту отмечал 9 декабря 1962 года в «Дневнике, которого я не веду» Ю.Г.Оксман. Он отговаривал Ахматову включать «Реквием» в состав ее нового сборника, полагая, что это может погубить всю книгу. «Их пафос, — писал Оксман об этих стихах, — перехлестывает проблематику борьбы с культом, протест поднимается до таких высот, которые никто и никогда не позволит захватить именно ей. <...> Она защищалась долго, утверждая, что повесть Солженицына и стихи Бориса Слуцкого о Сталине гораздо сильнее разят сталинскую Россию, чем ее «Реквием» (В, с.643). Ошибочное мнение Ахматовой о собственном творческом подвиге говорит, однако, о том, сколь велик был в ее глазах творческий подвиг А.И.Солженицына.

«Реквием» был отвергнут даже «Новым миром». Солженицын пробился в печать благодаря «верной догадке-предчувствию», что «к этому мужику Ивану Денисовичу не могут остаться равнодушны верхний мужик Александр Твардовский и верховой мужик Никита Хрущев»⁹. Ахматова же в сентябре 1963-го говорила о главном редакторе «Нового мира»: « — Он переживает за смоленских крестьян, а я ему глубоко безразлична» (НГ, с.286)¹⁰.

Солженицын в 1962 году посещал Анну Андреевну неоднократно, подарил машинопись «Одного дня...» (НГ, с.266). 4 ноября были записаны слова Ахматовой: « — Я достаю свой сборник для Александра Исаевича» (ЛЧ, т.2, с.540). Очевидно, в том же ноябре она подобрала для него «9 стихотворений» (ЗК, с.262), включая цикл «Черепки» и миниатюрную диалогию «Из черных песен». Среди них преобладают антиталитаристские стихи, но диалогия — против идеи эмиграции, в стихотворении «Ты напрасно мне под ноги мечешь...» есть отзвук той же темы и строка «Ночь со мной и всегдашняя Русь» — *всегдашняя*: пророчица Ахматова интуитивно угадала исключительную важность этой темы для Солженицына, когда ее актуальности в отношении него еще ничто не предвещало. В заключительной миниатюре «Черепков» («Кому и когда говорила...») — некрасовский мотив («Музу засекали мою») опять-таки до того, как Солженицын узнал, что Ахматова любит Некрасова, и мотив сумасшествия в связи с темой репрессий («катор-

га сына сгноила»): «А мне в сумасшедшей палате / Валяться — великая честь», — что уже является чем-то вроде ответа на слова Солженицына о том, как он боялся сойти с ума. В 1963 году Ахматова включила его в списки тех, кому нужно дать текст «Поэмы без героя» (ЗК, с.279) и «Реквиема» (ЗК, с.304, 314; ЛЧ, т.3, с.18). В ее записную книжку кем-то был вписан рязанский адрес Александра Исаевича (ЗК, с.329). Под датой 27 июня (1963 года) Ахматова отметила, как в дневнике: «Вечером Солженицын с женой (9 час.)». 1 января 1964-го, перечисляя звонивших ей, записала: «Тел<ефон> от Твардовского и Солженицына», а в 1965-м в день Покрова: «Звонил S. Придет в понед<ельник>» (ЗК, с.377, 419, 677). В списке «Кому 7 стихотворений» стоит тоже «S» (ЗК, с.543): написав в 1963 году цикл «Полночные стихи. Семь стихотворений», Анна Андреевна среди первых его читателей видела для себя и Солженицына, хотя цикл отнюдь не антиталитарный, а лично-философический, впрочем, включающий и сравнение «Как вышедшие из тюрьмы», и слова о своем вынужденном поэтическом молчании: «<...> я, кому убийцей быть / Божественного слова предстояло <...>». Есть Солженицын и в списке «Кому дать книгу 65 <г.>», то есть итоговый ахматовский сборник «Бег времени» (ЗК, с.573, 574).

«О «Матренином дворе» Анна Андреевна отозвалась высоко.

— Да... Удивительная вещь... Удивительно, как могли напечатать... Это страшнее «Ивана Денисовича»... Там можно все на культ личности спихнуть, а тут... Ведь у него не Матрёна, а вся русская деревня под паровоз попала и вдребезги... Мелочи тоже удивительные... Помните — черные брови старика, как два моста друг другу навстречу?.. Вы заметили: у него скамьи и табуретки бывают то живые, то мертвые... А тараканы под обоями шуршат? Запомнили? Как далекий шум океана! и обои ходят волнами... А какая замечательная страница, когда он вдруг видит Матрёну молодой... И всю деревню видит молодой, то есть такую, какая она была до всеобщего разорения... Заметили вы, что древняя, древнее всех, бабка над гробом Матрёны думает: «Надоело мне вас провожать». Вас — покойников, тех, кто моложе ее, кому бы еще жить да жить» (ЛЧ, т.3, с.16). 14 февраля 1963 года Ахматова и Г.В.Глекин «говорили, конечно же, о Солженицыне <...> и вдруг она сказала о себе: «Я та самая старуха из Солженицына, которая говорит, что ей надоело всех провожать на тот свет»¹¹. Подобные настроения встречаются в ее поэзии с начала 20-х годов: двустрочный набросок 1958 года «Непогребенных всех — я хоронила их, / Я всех оплакала, а кто меня оплачет?» кажется прямым предварением мыслей солженицынской старухи, хотя по содержанию гораздо шире. Имя Матрёны стало для Ахматовой как бы нарицательным. «Тоже Матрёна», — говорила она о матери Ники Николаевны Глен, у которой тогда жила в Москве (АН, с.22).

После появления «Матренина двора» столь пострадавшая от официальной критики Ахматова предсказала Солженицыну, что его скоро будут бранить, спросила, выдержит ли он, ведь это хуже, чем выдержать прокурора: «Если выдержали прокурора, нельзя быть уверен-

ным, что выдержите *это*» (ЛЧ, т.3, с.49). 8 ноября 1964-го, вскоре после снятия Хрущева, Ахматова вместе с Чуковской читала письмо ее отца Корнея Ивановича:

«В Союзе Писателей выступил Друзин и заявил, что пора призвать к ответу этих хрущевцев: Твардовского и Солженицына».

— Солженицына? — переспросила Анна Андреевна. — Еще бы, давно пора! Ведь это он призвал их к ответу. «Он весь как Божия гроза». С первого же дня я у него спрашивала, понимает ли он, что скоро его начнут терзать» (ЛЧ, т.3, с.248). Солженицын тогда ответил: «Конечно!» (ЛЧ, т.3, с.27).

Н.А.Роскина, назвав отношение Ахматовой к «Матренину двору» восторженным, добавляет: «Другие рассказы Солженицына понравились ей значительно меньше, «Для пользы дела» совсем не понравилось. Также и пьеса; о пьесе она сказала: «Какая-то средневековая». Но в общем, кажется, это был единственный современный советский прозаик, кроме Зощенко, который ее по-настоящему интересовал» (В, с.538). «Случай на станции Кречетовка» она сочла неправдивым рассказом, а его героя — «склеенным». Возражения Н.Н.Глен, говорившей, «что у нас такие люди были — искренне правдивые <...> и даже в большом количестве и повсюду» (ЛЧ, т.3, с.16), не убедили ее. «Анна Андреевна сердилась. Повторяла: «Не было таких людей. О таких в газетах сочиняют. Он его из бумаги склеил. От Солженицына мы другого ждем, только правды, а не этих выдуманных добродетелей» (ЛЧ, т.3, с.17). Надо отметить, что от Ахматовой доставалось и Льву Толстому, а Чехова она критиковала многократно.

Солженицын не сказал Анне Андреевне ни о том, что у него в 1950-е годы был рак (НГ, с.266), ни о своей работе над крупными произведениями. 17 октября 1963 года в Комарове Ахматова спросила Чуковскую, читала ли она «главы из романа — те, где говорится о свидании заключенных с женами. Я ответила: да, читала, — пишет Лидия Корнеевна. — В Москве, у его друзей.

— Почему же он мне не дал их, ни словечком о них не обмолвился? Он был у меня в Ленинграде. Я еще в самом начале нашего знакомства сразу прочла ему «Реквием». А он мне глав о том же самом не дал и даже не упомянул о них. Я так им всегда восхищалась, так счастлива, что до него дожила. За что же он меня обидел?» (ЛЧ, т.3, с.81). Ахматова повторяла свою жалобу на эту обиду (ЛЧ, т.3, с.82, 93-94), но слова «А я еще подумаю, простить его или не простить» произнесла «уже без горечи и не без юмора» (ЛЧ, т.3, с.82). Чуковская, пытаясь оправдать Солженицына, ссылаясь на тематические различия его и ахматовских произведений. Но в позднейших примечаниях к запискам об Ахматовой отметила: «Впоследствии А.Солженицын горько сожалел о своем промахе. «Я круто ошибся», — писал он в первом издании своих очерков литературной жизни «Бодался теленок с дубом» (Paris: YMCA-Press, 1975, с.261). Дело было в том, что Александр Исаевич заподозрил Ахматову в обычной «человеческой слабости» — «неспособности держать тайны...» и потому не дал «читать своих скрытых вещей, даже «Круга» — такому поэту! современнице! уж ей бы не дать?! — не смел. Так и умерла, ничего не прочтя» (ЛЧ, т.3, с.364).

Огорчило Ахматову и неучастие Солженицына в хлопотах об Иосифе Бродском (март 1964 года). Она привела слова К.Паустовского о том, что в «Одном дне Ивана Денисовича» «звучат антиинтеллигентские ноты», однако тут же их и опровергла, признав мнение Константина Георгиевича ошибочным. Ахматова сказала: «<...> наша интеллигенция приняла не меньше страданий, чем наш народ. Сам-то он, Солженицын, кто? — народ или интеллигенция? Разделение мнимое и никчемное. В особенности после ежовщины и войны» (ЛЧ, т.3, с.187-188).

Столь непросто и все же плодотворным было взаимодействие двух очень непохожих, но крупнейших и одинаково честных талантов.

Примечания

¹ Роскина Н. «Как будто прошаюсь снова...» // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 538. Далее этот сборник обозначается в тексте буквой В. Другие используемые сокращения: АА — Ахматова А. Сочинения: В 2 т. (Сост. и подг. текста М.М.Кралина. М., 1990; ЗК — Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). М.; Torino, 1996; НГ — Готхарт Н. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Вопр. лит. 1997. Вып. 2. АН — Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой: Из кн. «Конец первой половины XX века». М., 1989; ЛЧ — Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. М., 1997. Т. 2-3.

² Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом. Очерки лит. жизни // Новый мир. 1991. № 8. С. 10.

³ Стихотворение «Все ушли, и никто не вернулся...», написанное или начатое в 30-е годы и восстановленное или дописанное в 1960-м, где есть строки: «Осквернили пречистое слово, / Растоптали священный глагол, / Чтоб с сиделками тридцать седьмого / Мыла я окровавленный пол».

⁴ См.: Лосневский И. Анна Всея Руси: Жизнеописание Анны Ахматовой. Харьков, 1996. С. 186-187.

⁵ «Вы через короткое время станете всемирно известным. Это тяжело. Я не один раз просыпалась утром знаменитой и знаю это» — так передает ахматовские слова А.Г.Найман (АН, с.136). Н.А.Роскина сохранила их в другой редакции: «Понимаете ли вы, что через несколько дней вы будете самым знаменитым человеком в мире, и это. может быть, будет тяжелее всего, что вам пришлось пережить?» (В, с.538).

⁶ «Опять много говорили о Солженицыне. Он сам сказал ей, что больше всего боялся сойти с ума ТАМ» (Глекин Г. Встречи с Ахматовой: (Из дневниковых записей 1959-1966 годов) // Вопр.лит. 1997. Вып. 2. С. 312. Запись от 20 ноября 1962 года).

⁷ 16 декабря о том же писал в дневнике Г.Глекин, добавляя: «Академик Виноградов сказал об этом цикле, что он "народен"» (Глекин Г.В. Указ. соч. С. 312-313).

⁸ Солженицын Н.Д. Писатель должен быть силой объединяющей, а не разъединяющей / Беседа с К.Кедровым // Известия. 1992. 23 июля. № 168. С. 3.

⁹ Солженицын А. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 18. Н.С.Хрушев объявил А.Т.Твардовскому о разрешении печатать «Один день...» 20 октября (там же. С. 29), практически за неделю до знакомства Ахматовой и Солженицына.

¹⁰ Чуковская писала также: «В 1963 году в руки А.Г.Дементьева (заместителя Твардовского. — С.К.) попал «Реквием» Анны Ахматовой. Какова была его судьба внутри редакции, кто явился инициатором отвержения — какую роль сыграл тут «политический комиссар», как называет Дементьева Солженицын <...>, мне неизвестно» (ЛЧ, т.3, с.338).

¹¹ Глекин Г.В. Указ. соч. С. 313.

ISSN 0321-2904

Литературное Обозрение

Феномен Солженицына

99'1

99'1
1 (273)

Литературное Обозрение

Журнал
художественной литературы,
критики и библиографии

Издается с января 1973 г.

Москва

Учредитель и издатель —
ООО «Литературное обозрение»

Директор
Виталий Бенкин

Главный редактор
Виктор Куллэ

Редколлегия
Николай Александров
(современная литература)
Петр Ефремов
(главный художник)
Михаил Одесский
(история и теория литературы)

Редакционный совет
Михаил Айзенберг
Виктор Астафьев
Яков Гордин
Валерий Золотухин
Тимур Кибиров
Михаил Козаков
Лев Лосев
Владислав Муштаев
Валентина Полухина
Лев Рубинштейн
Татьяна Цивьян
Александр Чудаков

Адрес редакции:

127254, Москва,
ул. Добролюбова, 9/11

Телефон: (095) 219-92-63

Факс: (095) 218-03-98

© «Литературное обозрение», 1998
Любое воспроизведение
без разрешения издателя запрещено

СОДЕРЖАНИЕ

Феномен Солженицына

Иосиф Бродский
География зла. Публикация Виктора Куллэ 4

Павел Спиваковский
Феномен Солженицына 8

Роман Яacobсон
Заметки об «Августе Четырнадцатого».
Пер. с англ. Т.Т. Давыдовой. Комментарий П.Е. Спиваковского 19

Татьяна Вознесенская
Лагерный мир Александра Солженицына:
тема, жанр, смысл 20

Сергей Кормилов
«Мы забыли, что такие люди бывают».
Ахматова и Солженицын 25

Лев Лосев
Поэзия и правда у Солженицына 30

Лидия Колобаева
«Крохотки» 39

Юрий Цурганов
«Исследования новейшей русской истории».
Под редакцией А.И. Солженицына 45

Шамиль Умеров
Александр Солженицын и ненасилие 49

Ксения Маёрова
Заметки о языке и стиле эпопеи А.И. Солженицына
«Красное Колесо» 55

Павел Спиваковский
Краткая библиография сочинений А.И. Солженицына
и работ о нем 58

Arg poetica

Михаил Поздняев
Из книги «Подражание древним» 69

Непереводимое — сущностное

Лев Рубинштейн
Дружеские обращения 1983 года 73

«...кристалл в перенасыщенном растворе культуры».
Беседа Павла Грушко со Львом Рубинштейном 76

Приношение Пушкину

Ольга Земляная
О «Капитанской дочке» и литературе как учебнике жизни **81**

Литературный процесс

Владимир Новиков
Четыре литературных конъюнктуры XX века.
К постановке вопроса **90**

Геннадий Прашкевич
«Каждый охотник...». Обзор поэтических книг,
вышедших в Сибири в 1994-1998 годах. Часть первая **94**

Наталья Васильева
Взойти на гору с грузом лет за спиной... **105**

Рецензии

Николай Сысола
«Необроненное золото...»
(Юрий Кублановский, «Заколдованный дом») **109**

Ольга Канунникова
Изнанка стула (Самуил Лурье,
«Разговоры в пользу мертвых») **110**

Номера журнала
можно приобрести
в редакции
и в книжных магазинах:

«Московский Дом книги»
Москва, Новый Арбат, 26

«Гилея»
Москва, ул. Б.Садовая, 4

Компьютерная верстка
Ю. В. Балабанов

Корректор
Г. В. Чуба

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Свидетельство о регистрации
№ 015130 от 01.08.96.

Подписано к печати 20.08.98
Формат 84x108 1/16
Бумага офсетная
Усл. печ. л. 11,76
Тираж 2900 экз.
Заказ № 1973

Отпечатано с готового
оригинал-макета
в типографии издательства
«Красная звезда».
123826, Москва,
Хорошевское шоссе, 38